

Б. В. Аксюмов¹

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

В эпоху постмодерна с развитием информационных технологий возможности креативного воздействия на социальную реальность и социальных субъектов резко увеличиваются. Отрицание объективного характера существования наций, этносов, рас и вообще социальных групп — типичная черта современного социального конструктивизма, окончательно погрузившегося в мир рефлексии и принимающего за первичную и единственную реальность эпистемологические феномены. Так, Р. Брубейкер, уточняя свое понимание онтологического статуса больших социальных групп, пишет: «Понимание реальности расы не требует постулирования существования рас. ...Но реальность расы, и даже ее чрезвычайная принудительная сила в некоторых обстоятельствах, не зависит от существования „рас“. Так же и реальность этничности и национальности — и решающая сила этнической и национальной идентификаций в некоторых обстоятельствах — не зависит от существования этнических групп или наций как субстанциальных групп или сущностей»².

Расы и нации, согласно социальному конструктивизму, не являются субстанциями, объектами в мире «вещей в себе», частью объективного мира в собственном смысле этого слова — как независимого от воли и сознания человека. Расы, нации и этносы — плоды интеллектуальной деятельности ученых, способы категоризации и фреймирования мира, его когнитивного представления. Отрицание объективного характера нации, во-первых, почти лишает смысла анализ ее объективных компонентов, таких как территория, язык, общая культура, способы хозяйственной деятельности, а во-вторых, по существу сводит нацию к самосознанию людей, которые ее представляют. Крупнейший отечественный представитель конструктивизма В. А. Тишков отмечает: «...нация — это воображаемая общность, социальный конструкт, политическая метафора, обладающая мобилизующей силой и имеющая почти всеобщее распространение. Тем самым эта категория политики и идеологического дискурса становится реальностью в силу своего воздействия на сознание и поведение людей»³.

¹ Профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «A Portfolio of Identities of Young People of the South of Russia Under the Conditions of Civilizational Choice» (в соавт.), «Российская цивилизационная идентичность: теоретические контуры и практические возможности», «Портфель идентичности молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора» (в соавт.), «Формирование российской цивилизационной идентичности в контексте этнокультурного многообразия» (в соавт.), «К вопросу о концептуализации Русского мира», «Российская идентичность и политика идентичности: конструкция и деконструкция» (в соавт.), «Идеологическая война против России: анализ идей внешних и внутренних акторов» (в соавт.) и др.

² Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 30.

³ Тишков В. А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв.

Итак, с точки зрения социального конструктивизма нации, расы, этносы обретают реальность и значимость только тогда, когда имеются референтные субъекты или группы субъектов, которые отождествляют себя с ними, считают себя принадлежащими к данным социальным конструкциям. Идея идентичности становится, таким образом, основополагающей, именно идентичность субъектов онтологизирует социальные общности, придает им особую «субъективную» реальность, делает их подлинными инструментами социокультурного развития.

Конструктивисты, безусловно, правы в утверждении, что нации конституируются на основе самосознания (идентичности) субъектов, которые относят себя к данной нации. Однако подчеркивание сугубо воображаемого, выдуманного, вымышленного характера современных наций может иметь пагубные последствия и для самих наций, и для национальных идентичностей. При всей своей онтологической относительности объективные признаки нации — территория, язык, культура и история, способы хозяйственной деятельности и прочие — на самом деле являются объективными (без кавычек) постольку, поскольку имеют, как правило, солидный исторический бэкграунд и поэтому напрямую не соотносятся с той формой национального самосознания (идентичности), которая существует на данный момент. Новое поколение всегда (по крайней мере, в современном мире) идентифицируется по отношению к уже существующим институтам, формам и факторам национальной жизни. Человек не выдумывает нового языка, а усваивает и пользуется уже имеющимся. Перед его интеллектуальным взором в процессе социализации проходят основные вехи мировой и национальной истории, шедевры мирового и национального искусства. Живет он чаще всего на территории, на которой жили его предки. Эта объективная реальность, включая природное обрамление социальной жизни, ограничивает возможности конструирования, задает рамки деятельности, определяет границы творческого воображения.

Очевидно, что большинство людей по своей природе являются примордиалистами в том смысле, что принимают социальную реальность как нечто данное и почти неизменное. Они не задумываются о смысле таких слов, как «государство», «нация», «идентичность». Сомнение в объективном существовании собственной нации или этноса означало бы для них сомнение в существовании самих себя. Для политиков ситуация выглядит примерно таким же образом: они не сомневаются в объективном характере существования возглавляемых ими институтов и социальных групп. Сам вопрос об онтологическом статусе государства или нации вызвал бы у них недоумение и настороженность. Даже сознательно участвуя в состав-

ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Полит. энцикл., 2016. С. 9.

лении социальных проектов или технологий, превращаясь в «социального инженера», политик не сомневается в подлинности того материала, с которым имеет дело.

Постмодернистские разоблачения нации, лишение ее реального онтологического статуса, сведение национальной целостности только к совокупности составных частей, легко поддающихся деконструкции, только к волюнтаристской прихоти референтных субъектов потенциально угрожают организации социальной жизни как совокупности национальных объединений. Кроме того, эти постмодернистские научные (или псевдонаучные) усилия созвучны прогнозам многих аналитиков о том, что в эпоху глобализации суверенные нации должны постепенно уступить место более крупным политическим образованиям. Однако прошло более двух десятилетий — и ни один из этих прогнозов так и не сбывся. Более того, суверенные нации-государства только укрепляют свое положение на международной арене.

Тем не менее атаки на нацию и национальную идентичность, идущие с разных сторон, продолжают. Некоторые из атак носят научный характер, проистекают из аналитического постмодернистского стиля мышления, по своему характеру направленного на разъединение целостных социальных и эпистемологических блоков, разукрупнение научных и философских дискурсов и нарративов. Давление на национальную форму жизни со стороны глобализации носит объективный характер, обусловленный имманентным универсалистским характером глобализационных процессов. Однако важно отметить, что бенефициариев таких невольных атак может найтись множество и они способны использовать деконструирующий потенциал постмодернистской науки и универсализм глобализации в своих целях.

Еще один важный аспект дискурса о национальной идентичности в контексте возможных деконструирующих для нее последствий связан с характером развития современной информационно-технической цивилизации.

Резкое ускорение социального развития более отчетливо продемонстрировало текучесть и изменчивость многих форм и факторов социальной жизни. Наиболее «пострадавшей» в такой ситуации оказывается идентичность, нуждающаяся в постоянстве, неизменности, подлинности, требующая наличия более или менее устойчивых социальных институтов и культурных традиций, с которыми она могла бы себя соотносить и уцепиться за них как за спасительный якорь в хаосе перемен.

Иными словами, идентичности меняются вслед за трансформацией социокультурного ландшафта, они становятся «жидкими»¹. Экстраполяция этих образных пониманий идентичности на национальную идентичность может иметь весьма негативные политические и социокультурные импликации вплоть до идентификационного нигилизма. Очевидно, что национальная идентичность функциональна только тогда, когда она является твердой и устойчивой, способной задавать общую социальную рамку большинству представителей данного народа. На основе «жидкой» идентичности нации будут слабыми, нежизнеспособными, а государства могут оказаться перед перспективой распада. Но где идентичности обрести твердую почву в мире перемен, как сделаться устойчивой в ситуации «текучей современности», выражаясь языком З. Баумана? Настоящее и будущее, лишенные определенности, вряд ли способны выступить в роли надежных источников идентичности. Единственным реальным источником формирования устойчивых современных групповых идентичностей может быть только прошлое, поскольку оно уже произошло, существует в определенном объеме, представляет собой внятный объект для понимания и изучения. Работа по укреплению идентичности в современной России идет сегодня именно по этому пути — позитивная репрезентация прошлого (исторического и культурного) с целью оптимизации актуального социокультурного развития страны, укрепления универсальных в масштабах Российской Федерации форм идентичности.

¹ См.: Разлогов К. Э. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 28–40.